

УДК 81'28: 81'37

НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К БРАКУ В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ¹

Юлия Владимировна Зверева

к. филол. н., доцент кафедры гуманитарного образования в начальной школе

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. zv.ul@mail.ru

Статья посвящена анализу наименований людей в пермских говорах с точки зрения наличия / отсутствия брачных обязательств. Рассматриваются языковые единицы со значениями: 'женатый мужчина', 'замужняя женщина', 'холостяк', 'старая дева', 'женщина, не состоящая в церковном (официальном) браке', 'разведенная женщина', 'разведенный мужчина'. Выявляется мотивация слов, входящих в названные выше группы. Лексические и фразеологические единицы этой группы отражают отношение диалектоносителей к семейной жизни, а также их представления о браке. На примере описываемого материала обнаруживаются те изменения, которые происходили в традиционной семье в XX в.

Ключевые слова: пермские говоры; лексика; тематическая группа; брак; безбрачие.

В пермских говорах представлено большое количество лексем, характеризующих родственные связи человека. Тематическая группа «Семья» на материале разных славянских языков рассматривалась в работах таких лингвистов, как Ф.П.Филин [Филин 1948], О.Н.Трубачев [Трубачев 1957], Н.И.Сумникова [Сумникова 1969] и др., исследованиях И.М.Шараповой [Шарапова 1977], К.А.Федоровой [Федорова 1964] и др. на материале диалектов русского языка. Семейным отношениям в этнолингвистическом аспекте были посвящены статьи сборника «Категория родства в языке и культуре» [Категория родства... 2009], а также работы И.Б.Качинской [Качинская 2011], А.Б.Коконовой [Коконова 2011]. Однако в большинстве из них характеризуются лексемы, обозначающие кровные родственные связи.

Семья и семейные отношения становятся предметом изучения этнографов. Так, в монографиях «Русские» [Русские 2005] и «Русский Север» [Брак и семья... 2004] содержатся главы о браке и семейном быте русских с XII по XX в.

В этой статье мы обратились к анализу языковых единиц, характеризующих человека с точки зрения наличия / отсутствия брачных уз. Обрядовая лексика намеренно не включалась в настоящую работу, так как достаточно полно описана пермскими диалектологами, фольклористами и этнографами. Так, свадебный обряд и различные группы лексики, связанные с ним, рассматриваются в монографиях: «Земля Соликамская. Тра-

диционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района» [Подюков и др. 2006], «Куединская свадьба» [Куединская свадьба 2001], «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор» [Бахматов и др. 2008], «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии Северного Прикамья» [Подюков и др. 2004].

В пермских говорах выделяется несколько групп лексики, которые характеризуют семейный статус человека. Большинство лексем, входящих в группы 'женатый (мужчина)', 'замужняя (женщина)', имеют корни муж-/ жен-: *же-на'тик, жени'мый, же'ненный, же'нный; заму'жница, му'жняя жена, жена'тая, му'жняя, му'жняя, позаму'жняя*. В пермских, как и в других русских говорах, женатый мужчина называется также *мужиком*, а замужняя женщина – *бабой*: *Женатых только мужиками-то зовут* (Акчим Краснов.); *Как женится – на мужика переходит* (Акчим Краснов.) [АС 2: 144]; *Росплетают косу девицью – тожно баба будет*. «Баба» – *кыркать будут* (Акчим Краснов.) [там же 1: 45]). Отмечается слово *баба* в значении 'жена' и в пермских памятниках письменности [Полякова 2006: 90]. Глаголы, имеющие значение 'вступить в брак, находиться в браке', также образуются от этих корней: *же-ниться* 'выйти замуж' (*Женилась-то я рано: раньше не больно спрашивали* (Крутиково Добр.) [СПГ 1: 258]; *Нравился – не нравился, а пришлось*

на ём жениться (Редикор Черд.) [КСРГСПК]); **оба'биться** 'жениться' (*Только я обабился, взяли на фронт* (Гилева Краснов.) [СПГ 2: 15]); **обму'жа'ться** (*Я и не собиралась замуж-от. На лесозаготовках вот попала дак, мой Пашуня, мужик, да и... Так получилось. Обмужались, обабились* (Советная Сукс.) [СРГЮП 2: 206]); **позаму'жествовать** 'побывать замужем' (*Позамужествовала и не каюсь* (Рогали Оч.) [СПГ 2: 140]).

Для именованя женатого человека могут использоваться слова **сам** (*Сам вот ещё живой был, дак начал баню перестраивать* (Молебка Киш.); *А ты почто одна? Сам-от где у тебя?* (Ключи Чернуш.) [СРГЮП 3: 66]; *Сам-от окрестил собаку Баринном, я согласилась* (Камгорт Черд.); *Кто как мужа-то зовут: кто и хозяин, а тот и «сам» скажут* (Черд.) [КСРГСПК]) и **хозя'ин** (*Четыре года прожили мы со своим хозяином. Стала война. И вот его убило* (Ныроб Черд.); *А свекровку кто мамкой да мамашей, а мужа мужиком не называла, всё хозяином* (Камгорт Черд.); *Трое живём: хозяин да сын* (Камгорт Черд.) [там же]). Как правило, эти единицы используются в речи женщины, которая говорит о своем муже. Мужчина также может называть свою жену **хозяй'кой**, однако такие примеры мы находим только в картотеке СРГСПК, в других пермских диалектных словарях лексема не отмечается: *Хозяйки брат возит дрова, шурин мой* (Покча Черд.); *У меня хозяйка померла, это у меня вторая* (Мартино Краснов.); *Мужик свою жону зовёт бабой, хозяйкой, старухой* (Пянтег Черд.) [там же].

Наличие брачных уз у человека носителями говора обычно воспринимается положительно, это подчеркивается определением **па'рный**: *Все дети у меня уж парные, живут со своими семьями уж* (Зубакина Ильинск.) [СПГ 2: 76]. Это значение лексемы можно соотнести с другим: **парный** 'соразмерный, пропорциональный' (*Ты вся парная девка, шибко славная*. (Володино Сол.) [там же]). От корня **пар-** образуются также глаголы **па'риться** / **спа'риться** 'жениться': *Годов-то ему уже много. Пора и ему париться, семью заводит* (Максимята Ильинск.) [там же: 75]; *На этой неделе у Мариш сын спарился. Хороша уж больно невеста-то: баская, роботящая* (Ключи Сукс.) [там же: 381].

Мужчина и женщина, не состоящие в браке, часто обозначаются словами, имеющими корни муж-/жен-, к которым прибавляются приставки не- и без-: **нежена'тик** 'неженатый мужчина', **нежени'мый** 'холостой', **беззаму'жня**, **безму'жня**, **нежени'мая** 'незамужняя'. Положение замужней / незамужней женщины может ха-

рактеризоваться контекстуальными антонимами *занятой – свободный*: *Девки, вы свободные ещё, молодые? – Да, незамужние. – А то занятые будете, так не наездите много* (Сосновка Караг.) [там же: 322]. Для носителей народного сознания отсутствие брачных обязательств является нормальным, если речь идет о еще молодом человеке. Это представление объясняет значение 'неженатый мужчина' у лексемы **молодя'шка** (*Я молодяшкой в это время ещё был, неженатой...* (В.Мошево Сол.) [там же 1: 521]).

В том случае, если мужчина не женится или женщина не выходит замуж спустя продолжительное время после достижения брачного возраста, то в их номинациях нередко присутствует определение **старый**: **ста'рая де'вка**, **ста'рый ме'рин**, **ста'рый морко'вник**, **старый оба'бок**, **ста'рый подови'нник**, **ста'рый ра'тник** 'о долго не женящемся мужчине'; **ста'рый морко'вник** – и о 'женщине, не бывавшей замужем'. Наименования 'долго не женящегося мужчины' / 'долго не выходящей замуж девушки' могут содержать корень **стар-**: **старик** 'неженатый мужчина за 30 лет' (*От стариков отбоя нет, все сватаются к молоденькой девчушке* (Толстик Сол.) [там же: 396]), **переста'рок** 'девушка, долго не выходящая замуж' (*Эта девушка уже перестарок* (Песчанка Кунг.) [там же: 92]).

Диалектоносители 1920-1930-х гг. рождения на вопросы о времени замужества отвечают, что девушка должна была выйти замуж до 25 лет: [А выходить замуж когда было принято, в каком возрасте?] *Когда возьмут*. [Ну, а двадцать – это уже было поздно?] *Как не поздно, я вообще старухой вышла, в двадцать пять...* (Ныроб Черд.); [А вы во сколько лет замуж вышли?] *Мне уж больше двадцати было, да, больше двадцати мне. На двадцать втором, наверно, двадцать один мне уж было, на двадцать втором*. [А разве считается старой девой?] *Да, двадцати пяти годо'в замуж не годятся, раньше частушку пели* (Керчево Черд.) [КСРГСПК].

Человек, не состоящий и не бывший в браке, воспринимается как ущербный; так, холостой мужчина может сравниваться с холощеным животным: **как холосто'й бара'н** (*Тут девчонок-то и нету. Парни-от и ходят, как бараны холостые* (Акчим Краснов.) [АС 6: 127]); **старый мерин** (*Фрол-от всю жизнь прожил старым меринном, ни жены, ни детей у его не было* (Андреево Киш.) [ФСПГ: 214]). Долго не женящийся мужчина может быть назван **старым обабком** (*Смотри, Витя, дороешься в девках, останешься старым обабком* (Ненастье Окт.) [там же: 241]). Сравнение с **обабком** (подберезовиком в литературном языке) объясняется тем, что у старых

грибов мякоть становится губчатой, водянистой, т.е. непригодной в пищу: *Обабки – они кислые. Корешок тоненькой, шляпа больша. Раскиснет, его уж не жарить, не варить, только под гору валить* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК].

В номинациях **старый морковник** (*Старой морковник – который парень долго не женится* (Покча Черд.) [КСРГСПК]) и **старый ратник** (*У нас один долго не женился, дак говорили: старой ратник идёт. Лет, можёт быть, сорок пять ему. Так у нас и звали таких-то мужиков – старой ратник* (Губдор Краснов.) [СПГ 2: 282]) также присутствует семантика 'не годящийся в употребление, бесполезный'. В пермских говорах **морковник** – пирожок с морковью; такая начинка пирога объясняется тем, что морковь – корнеплод, имеющий эротическую символику [СД 3: 301], т.е. холостяк сравнивается с испортившимся продуктом питания, символизирующим мужскую силу. В составе фразеологизма **старый ратник** слово **ратник** имеет значение 'ополченец, солдат запаса' (*Я раньше ратником был, в армию-то меня не брали* (Тобол Ильинск.) [СПГ 2: 282]; *Раньше ратники были. Война или что в армию возьмут, всякий возраст* (Покча Черд.) [КСРГСПК]). Таким образом, в основе фразеологизма лежит сравнение холостяка со старым воином, который негоден к службе из-за возраста.

Долго не женящийся мужчина в пермских говорах получал также название **старый подовинник** (*Старой подовинник сватался ко мне: мне двадцати не было, а ему тридцать; старыми подовинниками звали этих-ту ребят. Я ему и скажи: «Ты, старой подовинник, не дозорь меня и не ухаживай»* (Толстик Сол.); *Стар-от подовинник долго не женится; ой, ты старой подовинник уж, говорят, негодной элемент. Двадцати пяти – тридцати годов не женится – старой подовинник* (Ушакова Сол.) [СПГ 2: 125]). Скорее всего, в основе устойчивого выражения лежит сравнение холостяка с сухим поленом, употреблявшимся для отопления овина (*Это подовинниками называли сухие дрова, которые жгли, когда жито сушили* (Черд.) [КСРГСПК]). А.В. Гура, автор статьи «Безбрачие» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», приводит похожие наименования из болгарского языка: «*огорел, опален пън* [обгорелое бревно] – о холостых и бездетных» [Гура 1995а: 147].

Одно из наименований старого холостяка – **осталец** – образовано от глагола *остаться*: *За которых девки не пойдут, они остальчи, не гожи* (Чужья Юрл.); *Остальчи-то – это мужики, за которых девки не идут замуж, остались вроде как* (Зула Юрл.) [СРГКПО: 172].

В пермских говорах фиксируются также сочетания **старая девка** 'холостяк' (*В деревне парней-то мало, а две старых девки есть, Санко да Михаил; не могут себе пару найти* (Усть-Иргино Сукс.) [СПГ 1: 204]) и **старый морковник** 'немолодая незамужняя женщина' (*Старый морковник, никто взамуж не берёт, старая дева* (Покча Черд.) [КСРГСПК]). А.В. Гура видит причины возникновения подобных сочетаний в том, что «понятие “безбрачие” нейтрализует противопоставление людей по возрасту и полу» [Гура 1995а: 147].

Представление о неопределенном статусе холостого мужчины реализуется во фразеологизме **соло'менный вдовец** (*Соломенный вдовец – холостяк* (В.Мошево Сол.) [СРГСПК 1: 195]). Именно на основе признака промежуточности, неустроенности происходит перенос 'мужчина, временно оставшийся без жены или не живущий с ней' [СРФ: 69] → 'холостяк'. В диалектах белорусского языка фиксируется похожий фразеологизм с тем же значением – *соломены жэніх* [ЧТС: 41].

Устойчивые выражения, обозначающие старую деву, образуются на основе сравнения девушки с чахлым, неплодоносным растением: **сухое верховище** (*Ты что, бабушка, замуж-то не выйду, дак сухим верховищём назовут* (Воскресенск Караг.) [ФСРГ: 44]); **непересаженная капуста** (*Долго взамуж не берут, дак зовут непересаженной капустой, стыдно* (Большой Букор Чайк.) [СПГ 1: 377]). Кроме того, капуста у славян обладает, как пишет В.В. Усачева, обладает брачной символикой [Усачева 1995: 461], используется в различных ритуалах, связанных со вступлением в брак. Растение также связано с появлением детей: их находят в капусте, внебрачных детей в русских говорах называют *капустничек* [СРНГ 13: 60] и *подкапустник* [СРГЮП 2: 360]. Таким образом, в именовании **непересаженная капуста** подчеркивается бездетность женщины, не вышедшей замуж.

Представление о неестественности незамужнего положения женщины, своего рода «социальной смерти», находит отражение в таких языковых единицах: **поко'йнишний дух** (*До 15-16 [лет] – девушка, с 15-16 – девкой называют, с 22 [лет] – покойнишной дух* (Касиб Сол.) [КСРГСПК] и **отжита'я** (*Отжитая [о старой деве], дак чё уж про неё и говорить* (Купчик Черд.) [там же]). Авторы словаря «Славянские древности» отмечают, что «в народном восприятии безбрачие смыкается с бездетностью и прерванной беременностью, с которыми его объединяют общая негативная оценка, сходные поверья

о причинах и последствиях этих явлений и сходные способы избавления от них» [СД 1: 147].

Лексемы со значением 'старая дева' могут быть образованы от глаголов *засидеться* и (*не*) *пойти*: *засидуха*, *засиделка*, *непошлица*, *непошленная* (*Засидуха*, она больно уж шибко браковала парней, вот те и сиди топерь одна (Янидор Черд) [КСРГСПК]; *Да вот в засиделках осталась, хоть раньше и мало засиделок-то было; раньше бьют, да все равно взамуж отдают* (Вильва Сол.) [СПГ 1: 309]; *Непошлица – которая девка взамуж не выйдет. Чё-то не пошла взамуж, непошлица* (Вёлгур Краснов.); *Непошлица – которая долго в девках сидит. Старая дева, никудышная, непошленная. Старой девой зовут, непошленной, которая долго засидится* (Сыпучи Краснов.) [КСРГСПК].

Значение лексем *бесшамшурная* 'старая дева' (*Марья-то у Ошлаповых бесшамшурная: взамуж она не выходила; беда злая она, нехорошая* (Попово Сол.) [СПГ 1: 38]) и *пустоволо'ска* (*Раньше в шестнадцать лет уж взамуж отдавали, а нынче бегают до тридцати, пустоволоски* (Подпавлиново Кунг. [СРГЮП 2: 489]) связано с отсутствием у девушки головного убора замужней женщины – *шамшур*.

Девушка, долго не выходящая замуж, называется в пермских говорах также *брако'вкой* (*Браковка эта девка, парням не нужна она* (Акчим Краснов.) [АС 1: 86]), *брако'ванной* (*Девушка родила ребёночка, так и проживёт век бракованной* (Вильва Сол.) [СРГСПК 1: 138]) и *броси'хой* (*Бросиха – девка, которая не вышла замуж* (Писаная Краснов.) [там же: 150]). Причиной, из-за которой девушкой пренебрегают женихи, носители говора считают недостойное поведение или болезнь: *Стара дева, невеста бросовая, браковка. Иногда погуляет несвоевременно или нездоровая, из-за этого бракуот* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК]. Таким образом, современные жители села находят вполне рациональные основания безбрачия. В традиционной культуре, о чем пишет автор статьи «Безбрачие» в словаре «Славянские древности», причины такого положения человека видятся в «порче, нарушении запретов и ритуальных правил» [Гура 1995а: 147].

Именно поэтому лексика, входящая в группу 'незамужняя женщина', частью пересекается с тематической группой 'незамужняя женщина, имеющая связи с мужчинами и / или родившая внебрачного ребенка': *зауго'льница*, *кува'ка*, *миро'ниха*, *нагу'льная де'ва*, *незамуж'ница*, *приведе'льница*, *робя'тница*, *чу'рошница*. Такие единицы чаще всего мотивируются словами, обозначающими ребенка (в том числе

внебрачного): *кувака* 'маленький ребенок' → *кувака* 'девушка, родившая вне брака' (*Вон Мария-то у нас тоже кувака, нагуляла ребёнка, так со стыда в Сибирь уехала* (Андреево Киш.) [СПГ 1: 445]); *робята* → *робятница* (*Робятница – которая ребят-то в девках носит. Так называют* (Акчим Краснов.) [АС 5: 32]; *Есть у нас в деревне и робятницы, детей-то много, а замужем не бывали* (Н.Бычина Краснов.) [СПГ 2: 293]); *чурка* 'внебрачный ребенок' → *чурошница* (*Заугольница, чурошница – если замуж не выходила. У нас одну бабу всё заугольницей звали* (Тиуново Гайн.); *мирон* 'внебрачный ребенок' → *мироница*, *мироньца* (*Танька-то у нас мироньца, мужика-то у неё и не было* (Юм Юрл.) [СРГКПО: 149]; *Мироница – женщина, родившая вне брака, мирон – ребёнок* (Шипицыно Гайн.) [КСРГСПК]). Эти синонимичные названия в большинстве случаев являются оценочными и имеют отрицательную коннотацию.

Анализ языковых единиц, называющих людей, не состоящих в браке, показывает отрицательное отношение диалектоносителей к ситуации безбрачия, а также к холостякам и незамужним женщинам. Такое отношение объясняется, в первую очередь, традиционным хозяйственным укладом жизни крестьян, который существовал вплоть до начала XX в.: «Только женатые люди могли быть правомочными при сельских сходах, имели возможность получить в надел землю, завести самостоятельное хозяйство, для нормального существования которого необходимы и мужские, и женские руки при традиционном половозрастном разделении труда в семье и в обществе» [Русские 2005: 419].

После революции церковный брак сменяется гражданским, а позже и совместным проживанием без регистрации отношений. В пермских говорах отмечается большое количество языковых единиц, которые называют женщин, не состоящих в церковном / официальном браке: *беззакон'ная баба* (*Она беззаконная баба была, с другим согрешила, а у того законная была* (Лопва Юрл.) [СРГКПО: 44]); *беззакон'ница* (*В церковь ходили на службу. Я в недоростках-то ходила, а прожила беззаконницей, не лишко по церквям-то пришлось, не венчана замуж вышла* (Красный Ясыл Орд. [СРГЮП 1: 48]); *наво'зница* (*Раньше кого не венчали, так пожилянкой, навозницей женщину называли* (Малютина Ус.) [СПГ 1: 542]); *найда'нка* и *приколи'тая* (*Я законная [жена], а нонче приколитые и найданки. Не обвенчаются, дак как наложники* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]); *нало'га* (*Налога не винчана, так живёт* (Покча Черд.) [там же]; *нало'жница* (*К*

мужу не обвенчаются ничё, дык она уже наложница. Это уж третья. Нельзя жениться три раза. Третья незаконная – наложница. Нынче наголо наложницы (Редикор Черд.); Наложница – незаконная жена, не венчались, не записывались (Покча Черд.) [КСРГСПК]; **пожиля'нка** (Невенчаных-то девок у нас пожилянками называют (Пыскор Ус.) [СПГ 2: 138]); **пристяжна'я** (**прицепна'я**) **жена** (Третья-то у него пристяжная жена была, приговорил такую, не венчались, так жили (Харюшино Сол.); Прицепная жена у Валеры, ребёнок у ей есть, а не расписывались (Осокино Сол.) [там же 1: 257]); **приведёныш** (Свекровь всё ругала: ты приведёныш! Не жена, а приведёныш! (Акчим Краснов.) [АС 4: 126]); **со'бра** (У Ивана жена-то в войну померла, в дом он принял собру. Живут незаконно, не венчаны (Брод Бер.) [там же 2: 367]).

Лексемы **найданка**, **приведёныш**, **пожилянка** мотивированы глаголами **найти**, **привести**, **пожить**, которые подчеркивают случайность и недолговечность неофициальных отношений между мужчиной и женщиной, которые не скреплены официальным (церковным) браком. Лексема **приколитая** образуется от глагола **приколтаться** ‘пристать, присоединиться к чему-либо, кому-либо’, ‘приблудиться (о скотине)’, ‘надоест’ [СРНГ 31: 255]. Производным от этого глагола является также слово **приколтыши** (**приколтыши**), имеющее значения ‘внебрачный ребенок’ [СРНГ 31: 255], ‘ребенок, пристающий к родителям’ [КСРГСПК], ‘попрошайка’ [АС 4: 131]. Ряд однокоренных слов имеет отрицательную коннотацию, которая объясняется общей семантикой ‘случайное, нежеланное появление’.

Языковые единицы **беззаконница** и **беззаконная баба** образованы от слова **закон** ‘брак, супружество’ (В перв-от закон их венчали даже, а всё равно не пошло (Ножовка Чайк.) [СПГ 1: 290]) с помощью отрицательной приставки **без-**. Во фразеологизме **пристяжна'я баба** актуализируется сема ‘дополнительный, неосновной’, так как слово **пристяжной** имеет значение ‘идуший в пристяжке, сбоку, в помощь коренной лошади’ [Алексеенко 2004: 98].

Носители говоров не считают невенчанную жену настоящей, поскольку основной ее ролью считают интимную близость. Это представление находит отражение в лексеме **наложница** ‘любовница’, которая, по мнению авторов «Этимологического словаря славянских языков», образована от словосочетания *na lohe [ЭССЯ 22: 179]. Лексема **налог**, которая фиксируется только в пермских говорах, скорее всего, является дериватом от слова **наложница** и образована в результате десуффиксации. Схожая семантика

обнаруживается у лексемы **со'бра**. Хотя единица не встречается в других русских говорах, мы можем предположить, что она связана с лексемой **собрана** ‘подруга, приятельница’, зафиксированной в ярославских и вологодских говорах [СРНГ 39: 173].

Обычно лексемы этой группы имеют отрицательную окраску, так как само отношение к сожительству без регистрации (без венчания) было негативным: *Раньше-то спозорно считалось, если в церкви не венчались дак, а тепере обвенчаются круг бани ожегом да и ладно, живут (Касиб Сол.) [СПГ 2: 15].* Отрицательную коннотацию имеют и фразеологизмы, называющие гражданский брак (**блудный брак**, **собачье замужество**) и вступление в брак без венчания (*играть свадьбу круг поганого ведра, обвенчаться круг бани ожегом, венчаться за углом, сходиться по-за углам, выйти по-бешеному, вокруг ёлки обежать, окрутить вокруг столба, как мухи сбежаться, сойтись зайцем*).

Мужчину, который живет с женщиной без венчания, называют **блудником** (*Не повенчаешься, дак блудником и будешь (У.Уролка Черд.) [СПГ 1: 42]; наложником (Наложник, если женына овдовела, к ней пришёл другой, она с ним не обвенчалась (Покча Черд.) [КСРГСПК]) и пустосёлом (Не повенчаешься, дак пустосёлом и будешь (Уролка Сол.) [СПГ 2: 247]).* Эти лексемы так же, как и слова со значением ‘женщина, не состоящая в церковном браке’, имеют отрицательную окраску. Относительно небольшое количество таких единиц в диалектном лексиконе объясняется тем, что к женщине всегда предъявлялись более строгие моральные требования, чем к мужчине.

Чтобы подчеркнуть факт нахождения в браке, к лексемам **жена** и **муж** добавляются определения **венчалый**, **законный**, **коренной** (*Я когда замуж-от выходила, дак венчала была (Перино Караг.) [СПГ 1]; Если законная жена ушла, а вторая пришла, то она наложница (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]; Закон приняла, коренная [жена], а нет – так налога (Покча Черд.); Коренного мужа бросишь, дак не венчают (Покча Черд.) [там же]).* От прилагательного **законная** образуется омонимичное существительное со значением ‘замужняя женщина, обвенчанная в церкви’ (*Венчаные невесты вязали гарусный пояс справа, незаконные – пояс вообще не одевали. После того, как невесте заплели две косы, свахи на голову законной платок вязали под подбородком (Бедряж Чернуш.) [СРГЮП 1: 304].*

Женщины, родившиеся в 20-х гг., XX в. упоминают, что выходили замуж вопреки воле родителей, такую свадьбу называли **краденой**, **бег-**

лой, гусявой [ЭССТСП: 149–150]. Девушка, вышедшая замуж без благословения родителей, называлась **беглянкой** и **беззаконницей** (Беглянка – без свадьбы ушла (Базуево Гайн.) [СРГСПК 1: 75]; Беззаконницы – без свадьбы (Гайн.) [там же 1: 79]).

Ситуация развода в XX в. стала обыденной, носители диалекта пожилого возраста подчеркивают разницу между современным отношением к браку и тем, которое было раньше: *Нынче записались, пожилы десять дён, не понравилась – развелись. А раньше-то хоть бьют, ругают, а дисциплина – живи. Хоть иной пьяница, может, попадёт и жену бьёт, но нельзя уходить. Венец с головы нельзя бросать* (Посад Киш.) [СРГЮП 1: 80]. В прошлом развод считался позором для семьи: *Попадется мужик неуноровной... и уйти нельзя: позор; беглянка, скажут* (Жуланова Сол.) [СПГ 1: 28]. Это отрицательное отношение к разводу подтверждается и тем, что в говорах, кроме лексем, называющих разведенных мужчину и женщину, также фиксируются слова, обозначающие инициатора развода, которые обычно обладают отрицательной коннотацией.

Большинство лексем со значением ‘разведенный мужчина’ и ‘разведенная женщина’ мотивированы корнями *жен-* и *брос-*: **разже'нец** (Развёлся с бабой – разженец (Покча Черд.) [КСРГСПК]), **разже'ня** (Беглянка звали, если убежала от мужика, а его розжениа (Покча Черд.) [там же]), **броше'ня** (У меня б мужик был, я бы бросила, брошенный муж – брошеня, и всё (Вёлгур Краснов.) [СРГСПК 1: 151]), **разжён'ка** (Живёт одна, разведённая, без мужика, розжён'ка. Всё, однако, развелася с мужиком (Покча Черд.) [КСРГСПК]), **броси'ха** (Бросиха – женщина, от которой муж ушёл (Камгорт Черд.) [СРГСПК 1: 151]), **бро'совка** (Она бросовка была, таких на свадьбу-то не очень жаловали (Андронов Чернуш.) [СРГЮП 1: 80]), **бро'шенка** (Брошенка она у нас, прошлый год мужик-от ушёл у ей (Аралки Чайк.) [там же]). В говорах отмечаются также дериваты от слова *развод*: **разведён'ка**, **развод'ка** ‘разведенная женщина’ и **разведенец** ‘разведенный мужчина’.

Слово **ра'тник** обозначает любого из разведенных супругов (*Подруга моя была ратником, она выходила замуж, а потом обратно ушла* (Б.Букор Чайк.); *Как их нынчэ развелося, ратников несчастных* (Малахова Сив.) [СПГ 2: 282]). Значение лексемы является переносным от *ратник* ‘ополченец, солдат запаса’. Таким образом, брак носителями говора воспринимается как некая служба, а развод как уход со службы.

Лексемы со значением ‘мужчина, ушедший из семьи’, ‘женщина, оставившая мужа’ чаще всего

образуются от глагола *бегать* (*бежать*): **бегле'ц** (*Не стал свою семью кормить, от жены убежал, детей бросил – беглец ведь* (Акчим Краснов.) [АС 1: 57]); **бегля'нка** (*У меня самой матерь убежала, разорила мужика своо, кто же она, как не беглянка?* (Акчим Краснов.) [там же]); **бе'женка** (*У нас Параня убежала от мужа, не любила его; а мать повадку дала, приняла ее, дак она и убежала. Позор-от был какой! Говорили: «Беженка, беженка!»* (Володино Сол.) [СПГ 1: 29]). В южных говорах Пермского края зафиксирована также лексема с корнем *ход-* – **отхо'жка** ‘женщина, бросившая мужа’ (*У нас отхожка тут жила, ушла от мужа сама* (Андронов Чернуш.) [СРГЮП 2: 269]). Таким образом, супруг, ушедший из семьи, воспринимался как человек, нарушивший свои обязательства. Представление о том, что ушедший из семьи человек избегает обязательств, не занимается полезной деятельностью, реализуется в лексемах **бродя'га** (*Бродяга – мушшына, который ушёл от жены* (Покча Черд.) [СРГСПК 1: 147]) и **гуля'ка** (*Который свою жену бросил, с другой гулят – тот гуляка. Жена мужа бросила, тоже гуляка* (Покча Черд.) [КСРГСПК]).

Для обозначения мужчины, оставившего семью, употребляется фиксируемое только в пермских говорах слово **дробан'н** (*Гляди, мо, зимогоры-те разошлись, или дробаны. Бросит мужик-от, его дробаном зовут* (Велгур Краснов.) [там же]). В составе лексемы можно выделить корень *дроб-* и суффикс *-ан* (по аналогии со словами *брюхан*, *пузан*). Этот же корень содержится в глаголе *дробить* (**drobiti* ‘крошить, ломать’ [ЭССЯ 5: 119]), таким образом, *дробан* – человек, который «дробит», разрушает семью.

Негативная коннотация особенно ощущается у лексем этой группы, образованных путем метафорического переноса. Так, значение слова **межеу'мок** ‘женщина, ушедшая от мужа’ (*Межеумок – от мужика ушла. Ты не девка и не баба* (Черд.); *Женщина замуж выходит, пожила маленько, потом ушла, вот и межсоумок* (Черд.) [там же]) является переносным от *межеумок* ‘слабоумный человек’ (*Межеумок – недоумок, не хватает ли чё* (Езова Черд.) [там же]). Таким образом, решение женщины оставить мужа воспринимается носителями говора отрицательно.

В картотеке «Словаря русских говоров севера Пермского края» у полисемичного слова **зимогор** отмечается значение ‘мужчина, ушедший из семьи’ (*Муж пришёл с войны, ночи не спал, ушёл и всё ходит. Бросил семейство, зимогор* (Брюханов Черд.); *Зимогор бросит бабу* (Ныроб Черд.) [там же]). Семантика слова объясняется первым значением ‘сезонный рабочий на отхожих про-

мыслах' [СПГ 1: 327], производные от него, как правило, обладают отрицательной оценочностью: 'человек, не имеющий постоянного места жительства и заработка' [АС 1: 344], 'нарушитель общественного порядка, хулиган' [СПГ 1: 327], 'непослушный, проказливый ребенок' [КСРГСПК]. Похожее значение слово имеет в говорах белорусского языка: *зімагор* 'человек без семьи' [ЧТС: 72]. От слова *зимогор* образуется *зимогорка* 'женщина, ушедшая от мужа' (*Зимогор бросил, мо[л], меня. Не стала зимогорка жить со мной. Гляди, мол, зимогоры-те разошлись* (Велгур Краснов.) [КСРГСПК]).

Большое количество лексем со значением 'разведенный мужчина', 'разведенная женщина', 'мужчина, ушедший из семьи', 'жена, бросившая мужа' свидетельствует о распространенности ситуации развода в XX в., однако негативная коннотация большинства языковых единиц говорит о неодобрительном отношении диалектоносителей к этому явлению. Об этом пишут и авторы монографии «Русские», характеризуя семейный уклад в 60–90-х гг. XX в.: «Расторжение браков стало фактически беспрепятственным. Последние десятилетия отмечаются увеличением числа разводов... Несмотря на это, отношение к разводом в сельских местностях в целом отрицательное, а общественное мнение осуждает разведенных людей, главным образом виновников разводов, разрушивших семейную жизнь» [Русские 2005: 439].

В некоторых случаях (отсутствие сыновей в семье) женившийся мужчина переходил жить в дом жены, такую ситуацию обозначают фразеологизмы *братъ в дом, в дворники братъ, дома (на дому) жениться, на себя взять, уйти на чужой пол*. В пермских говорах фиксируется большое количество лексем со значением 'муж, вошедший в дом жены'; чаще всего они мотивированы словами *двор* и *дом*: *дворо'вик* (*Мужик из той деревни в дворовики сюды пришел; дворовик называли мужика, ежели к бабе в дом пришел* (Тюлькино Сол.); *Уйдёт в дом к жене, дак дворовик, не зазорно это было* (Березовка Ус.) [СПГ 1: 203]); *дворо'вой* (*Дворовик-от, мужика так зовут: он бабу нашёл и в дом вошёл* (В.Мошево Сол.) [там же]); *до'мник* (*Бывало и невеста жениха сватала, как в невестин дом идти, его ещё домник называли, парня-то* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 89]); *домово'й* (*Домовой. Муж принят в дом своей невесты. Некоторые свадьба, невеста за ём ездит, некоторые так приходят. Наоборот делается* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК]); *домово'д* (*Отец-от был домовод, в дом пришёл к жене-то* (Таволожанка Юрл.) [СРГКПО: 89]). Некоторые слова с этим значе-

нием являются производными от глаголов *привести, прийти, принять*: *приведе'нник* (*У меня отец-от со Шшугора был, приведенец* (Акчим Краснов.) [АС 4: 126]); *приведе'нец* (*Ейный муж со Шшугора был, приведёной. Он приведенник. Он хороший был* (Акчим Краснов.) [там же]); *пришла'к* (*Муж-от у меня пришлак был. Пришлак-от? Из другой деревни в дом вошёл, вот и пришлак. Пришлак-от из другой деревни версты за две пришёл* (Володино Сол.) [СПГ 2: 223]); *прима'к* (*Колька, старшей-то моей муж, примак у нас* (Усть-Гаревая Добр.) [там же: 209]).

В пермских говорах также зафиксирована лексема с этим значением, образованная путем метафорического переноса, – *воробей* (*Если не в свой дом выйдет мужик, воробьём зовут* (Пентюрино Бер.) [СРГЮП 1: 135]). Сравнение мужчины, перешедшего жить в дом жены, с воробьем подчеркивает, что такой мужчина не хозяин в доме, именно поэтому в «Словаре русских говоров Южного Прикамья» слово имеет помету «ироническое». А.В. Гура в статье «Брак» в словаре «Славянские древности» отмечает, что у всех славян встречался матриликальный брак, однако положение зятя в семье чаще всего было зависимым [Гура 1995б: 246].

Небольшое количество языковых единиц называет мужчину, женившегося во второй раз (или несколько раз), – *двоеже'нец* (*Замуж-то вышла я за двоеженца. Все мне судьбу несчастную пророчили, а мужик-то хороший оказался* (Пантюха Част.) [СПГ 1: 202]); *бабий переводник* (*Переводит баб. Бабний переводник. Помрë жена – берë одну, третью. Или когда разойдутся* (Акчим Краснов.) [АС 4: 26]); *многожён'ный* (*Если много раз женится, его многожён'ным звали* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]). Женщину, находящуюся во втором браке, называют *наложницей* (*Котора баба второй у мужика была, дак её наложницей звали* (Кузнецова Сол.) [СПГ 1: 556]). Эти лексеммы характеризуют вступающих в брак вторично после смерти первого супруга или развода. Поскольку не всегда возможно венчание во втором браке, постольку слова этой группы частично совпадают с наименованиями людей, чьи отношения не скреплены официальным браком.

Слова со значением 'вдовец' и 'вдова' в пермских говорах являются однокоренными к литературным и отличаются только суффиксами: *вдов'ви'н* (*На второй раз я вышла за вдовина* (Б. Букор Чайк.) [СРГЮП 1:101]), *вдови'ца* (*Жила вдовицей весь век* (Вильгорт Черд.) [СРГСПК 1: 195]), *вдо'вка* (*Семеновна-то у нас рано вдовкой стала* (Б.Букор Чайк.) [СРГЮП 1:101]), *вдову'ха* (*Ох, и робили вдовухи, тяжело было* (Вильгорт

Черд.) [СРГСПК 1: 195]), *вдовушка* (*У меня мужа нет, так я вдовушка* (Касиб Солик.) [там же]).

Таким образом, языковые единицы, входящие в тематическую группу «Наименования человека по отношению к браку», в большинстве своем включаются в достаточно распространенные синонимические ряды. Часть слов этой тематической группы являются нейтральными: так, обычно не имеют экспрессивной окраски единицы со значениями ‘женатый мужчина’, ‘замужняя женщина’, ‘вдовец’, ‘вдова’. Некоторые подгруппы, например, ‘холостяк’, ‘старая дева’, ‘женщина, не состоящая в церковном (официальном) браке’, ‘разведенная женщина’, ‘разведенный мужчина’, чаще всего содержат эмоционально окрашенную лексику. Наименования человека по наличию / отсутствию брачных обязательств в пермских говорах во многом отражают те изменения, которые происходили в традиционном семье на протяжении XX в. Так, достаточно большое количество лексем, называющих женщин, не состоящих в церковном браке, разведенных мужчин и женщин, свидетельствует о распространении гражданского брака, а также об увеличении количества разводов в этот период.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ 11-34-00330 а2 «Материальная и духовная культура в лексике и фразеологии Пермского края»; РГНФ 12-34-01043 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края».

Список источников с сокращениями

АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2003. Вып.1–5.

КСРГСПК – Картотека словаря русских говоров севера Пермского края.

СПГ – *Словарь* пермских говоров. Вып.1–2 / под ред. А.Н.Борисовой и К.Н.Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СРГСПК – *Словарь* русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. 364 с.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГЮП – *Словарь* русских говоров Южного Прикамья. Вып.1–3 / И.А.Подюков (науч.ред.), С.М.Поздеева, Е.Н.Свалова, С.В.Хоробрых, А.В.Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010–2012.

ФСПГ – *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.

Список литературы с сокращениями

Алексеев М.А., Литвинникова О.И., Белусова Т.П. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. 238 с.

Бахматов А.А., Голева Т.Г., Подюков И.А., Черных А.В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь: Изд-во «ОТиДО», 2008. 502 с.

Брак и семья у севернорусского сельского населения // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. 848 с.

Гура А.В. Безбрачие // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого.* М.: Междунар. отн., 1995. Вып.1. С.147–148.

Гура А.В. Брак. // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого.* М.: Междунар. отн., 1995. Вып.1. С.244–250.

Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С.М.Толстая. М.: Индрик, 2009. 312 с.

Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Коконова А.Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.

Куединская свадьба: Свадебные обряды русских Куединского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX в. / сост. А.В.Черных. Пермь, 2001. 140 с.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 224 с.

Полякова Е.Н. Слова с семантикой ‘жена’, ‘женщина’ в пермских памятниках XVI – начала XVIII века // *Полякова Е.Н.* Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. С.89–92.

Русские / отв. ред. В.А.Александров, И.В.Власова, Н.С.Полищук. М.: Наука, 2005. 828 с.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого. М.: Междунар. отн., 1995–2009. Вып.1–4.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. СПб., 1966–2011. Вып.1–44 (издание продолжается).

СРФ – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Сумникова Н.И. Термины родства и свойства в современном русском языке // Русская речь. 1969. №2. С.117–122.

Трубачев О.Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания. 1957. №2. С.86–95.

Усачева В.В. Капуста // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого. М.: Междунар. отн., 1995. Вып.2. С.457–461.

Федорова К.А. Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: труды 4-й зон. конф. кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1964. Вып. 1. С.85–92.

Филин Ф.П. О терминах родства и родственных отношениях в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. XI. М.; Л., 1948. С.329–346.

ЧТС – Чалавек: тэматычны слоўнік / навук. рэд. Л.П.Кунцэвіч, А.А.Крывіцкі. Мінск: Беларуская навука, 2006. 573 с.

Шаранова И.М. Терминология родства в рязанских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1977. 15 с.

ЭССТСП – Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии северного Прикамья. Усолье; Соликамск; Березники; Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 360 с.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / ред. О.Н.Трубачев. М., 1974–2008. Вып.1–34 (издание продолжается).

Сокращенные названия районов Пермского края

Бер. – Березовский
Гайн. – Гайнский
Добр. – Добрянский
Ильинск. – Ильинский
Караг. – Карагайский
Киш. – Кишертский
Краснов. – Красновишерский
Кунг. – Кунгурский
Окт. – Октябрьский
Орд. – Ординский
Оч. – Очерский
Сив. – Сивинский
Сол. – Соликамский
Сукс. – Суксунский
Ус. – Усольский
Чайк. – Чайковский
Черд. – Чердынский
Чернуш. – Чернушинский
Юрл. – Юрлинский

MAN NOMINATION IN THE ASPECT OF MARRIAGE IN PERM DIALECTS

Julia V. Zvereva

**Reader of Primary Humanitarian Education in Primary School Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

The article is devoted to the analysis of man nomination in the Perm dialects from the perspective of being or not being married. Language units with the meaning a “married man”, “married woman”, “bachelor”, “spinster”, “woman who has not been in religiously (officially) married”, “divorced woman” and “divorced man” are analysed. The motivation of the words, forming the groups, is revealed. The lexical and phraseological units reflect the attitude of the dialect speakers to family life and their concept of Marriage. The described data revealed the changes which took place in the traditional family in the XXth century.

Key words: Perm dialects; lexis; theme groups; marriage; celibacy.